

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.42

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.109-118

ПРАГМАТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА НАРОДНОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ

И.И. Чумак-Жунь, М.И. Саенко

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, 308015, Россия*

Аннотация

Фольклорный текст традиционно воспринимается носителями языка не только как элемент культурного наследия, но и как своеобразный, ментально «заряженный», духовно-нравственный ориентир. Статья посвящена описанию языковых, социокультурных, коммуникативных и когнитивных характеристик фольклорного дискурса через призму текстов народных колыбельных песен. Дано определение национально ориентированного информационного «стимула», того культурно-исторического контекста, который обуславливает единое коммуникативно-прагматическое пространство колыбельной. Раскрыты особенности коммуникативной ситуации воплощения колыбельного жанра, в частности специфика воздействия колыбельной на адресата. Выделены денотативные комплексы, составляющие основу концептосферы фольклорного дискурса. Проанализировано довербальное пространство колыбельной. Выявлены языковые и неязыковые средства трансляции эмотивной и эстетической информации с ее помощью. Полученные результаты позволяют прийти к выводу, что колыбельная на протяжении многих веков является средством эмоционального, педагогического, этнокультурного воздействия на формирующееся индивидуальное сознание, во многом определяя ментальные характеристики как отдельной личности, так и нации в целом.

Ключевые слова: фольклорный дискурс, народная колыбельная песня, прагматика текста, язык фольклора

Введение

«Антропоцентрическая атмосфера» научного знания, которая сегодня доминирует во всех гуманитарных науках, не обошла стороной и языковедение, позволяя современным лингвистам анализировать языковой материал, учитывая достижения психолингвистики, когнитивистики, культурологии и других смежных наук. Новая парадигма вывела исследования за рамки «чистой лингвистики», что чрезвычайно расширило амплитуду научных изысканий. Вечные вопросы о связи и взаимообусловленности языка и мышления, языка и социума трансформируются в новые формы, прирастая современной терминологией. Так, Ю.Н. Караулов разрабатывает теорию языковой личности, по-разному реализующей свои языковые намерения в различных типах дискурса [1], работы Н.Ф. Алефиренко затрагивают проблемы становления когнитивно-семиологической теории «живого» слова в рамках взаимодействия языка, познания и культуры [2], И.И. Чумак-Жунь

занимается изучением проблемы репрезентации индивидуально-авторского начала в поэтическом дискурсе [3], Л.И. Плотникова раскрывает особенности порождения, функционирования и узуализации нового слова в коммуникативном акте [4], научные исследования С.А. Кошарной посредством лингвокультурологического анализа ряда концептуальных понятий позволяют моделировать отдельные фрагменты мифологической картины мира [5].

В контексте нашей проблематики мы не можем не упомянуть работ И.С. Карабулатовой, которая исследует фольклорный текст как инструмент народной педагогики и суггестии, источник этнических и социокультурных стереотипов [6].

Изучение фольклорного дискурса как пространства пересечения фактов истории, культуры, особенностей духовной жизни отдельной личности и национального сознания в целом, анализ коммуникативно-педагогического воздействия народной поэзии, на наш взгляд, является продуктивным продолжением развития научной мысли в русле психолингвистики, лингвокогнитивистики, лингвокультурологии и относительно новой отрасли педагогической науки – педагогики народного художественного творчества.

Информативное содержание коммуникативно-прагматического пространства текста народной колыбельной песни

Среди многочисленных разновидностей словесного народного творчества особое место занимает так называемый материнский фольклор, получивший воплощение в таких жанрах, как пестушки, потешки, сказки, заговоры, обрядовые и колыбельные песни. Бесспорно, информация, заложенная в текстах материнской поэзии и «отшлифованная» веками, обладает высочайшим культурно-историческим, национально-идентификационным, нравственно-воспитательным потенциалом. «Все начинается с детства, – утверждал С.В. Михалков, известный детский писатель и публицист. – Человек начинается с детства. Именно в детстве происходит посев добра» [7, с. 3].

Одной из наиболее известных жанровых разновидностей материнского фольклора, не только устойчивой к влиянию экстралингвистических факторов, но и получившей широкое развитие в художественном литературном творчестве, является традиционная колыбельная песня. Основные характеристики жанра определяются его четкой коммуникативной моделью: 1) адресант – поющая мать (бабушка, сестра, няня и др.), 2) адресат – младенец, чья способность понимания речи окружающих до сих пор вызывает вопросы в научном мире.

В.В. Головин, давая определение колыбельной, в качестве центрального понятия выделяет слово *песня*: «Колыбельная песня – это песня, адресованная младенцу, находящемуся в состоянии перехода, и функционально направленная на его завершение» [8, с. 13]. «То есть, – пишет В.В. Головин, – мы имеем дело с напеваемым текстом в определенной поэтической и ритмической организации» [8, с. 14]. Для нас это определение является концептуально значимым, так как указывает на бинарность коммуникативной ситуации реализации жанра, объединяющего вербализованное (обусловленное денотативными областями описания, моделями поведения участников, их менталитетом) и невербализованное (ритм, мелодия, фоносемантика, суггестия) информационные поля.

Исследования материнского фольклора в когнитивно-дискурсивном аспекте показали, что есть несколько этнокультурных факторов, обязательных для народных колыбельных: 1) особая лингвокультурная программа, предназначенная для младенческого возраста; 2) «формулы» семейного уклада; 3) стереотипы гендерного поведения; 4) религиозные традиции.

Жанры народной педагогики, ориентированные на включение адресата в общий порядок мироздания, устанавливают некую систему нравственных и пространственно-временных координат, помогающих младенцу осознать себя в жизненно важных отношениях с миром. Языковое воплощение топоса, локуса и хроноса колыбельной фокусируется в точке нахождения ребенка в настоящий момент (дом, колыбель), другое территориальное и временное пространство песенного жанра оценивается в отношении к актуализированному центру: «Где Ваня спит? / Где люлька висит? / В высоком терему, / На гибком оцепу» (КДВС, с. 9); «Лена выспитцы / Не куражитцы. / Пойдет на улочку гулять, / Будет курочек имать» (НПБО, с. 43).

Именно пространство люльки оценивается в колыбельной песне как наиболее безопасное место для младенца, защищенное от зла, ограниченное от мира опасностей маркерами-границами: «На высоком на **крюку**, / Да на тонком **оцепу**»; «Крюк золотой, / **Ремни шелковые**»; «**Круг** золотой, / **Вожжицы бархатные**» (НПБО, с. 45). Выйти за границы «своего» пространства, пространства люльки и дома – значит оказаться без защиты: «Баю, баюшки, баю, / Не ложися **на краю**, / А то серенький волчок / Придет, схватит за бочок / И утащит во лесок» (НПБО, с. 31–32). Таким образом, понятие края, включающее в себя элементы ‘контур’ и ‘граница’, позволяет выстроить для младенца традиционную дуальную модель мироустройства, основанную на оппозиции понятий «свой» – «чужой», «в пределах границы» – «за границей», «мир людей» – «мир духов», «добро» – «зло» и т. д.

Еще один пространственный вектор жанра колыбельной песни образуется обилием лексических единиц со значением ‘движение вверх’: «Тамо-там колыбель / Во **высоком терему**, / Во **высоком терему**; Приговаривают: / У кота, у кота, / Колыбель **высока**. / У мово Ванюшеньки – / **Выше того**. / Колоцы точены, / Позолочены. / **Вырастешь** большой, / **Будешь в золоте ходить**» (КДВС, с. 5). Частотная акцентуация в колыбельном тексте понятия верха не случайна. Во-первых, мотив устремления вверх символизирует нравственную чистоту ребенка, его связь с небом, с Богом. Во-вторых, по мнению В.В. Головина, формулы высоты – это прогностика и стимуляция роста младенца [8, с. 118].

Хронотопические элементы колыбельной песни также предполагают нейролингвистическое воздействие на сознание и формирование мировосприятия младенца-адресата.

С одной стороны, в текстах колыбельной представлено время циклическое, которое чаще всего реализуется как парное глобальное противопоставление – «день – ночь». При этом ночь ассоциируется с опасностью, временем наиболее уязвимого состояния ребенка: «Баю, баю, маленький брат. / **Время темное еще**, / **Время раннее еще**, / Ты не бойся ничего» (ПНК, с. 40), – поют младенцу, чтобы его успокоить, предупредить, что он будет под защитой старших родственников.

С другой стороны, время в колыбельной может быть представлено как жизненный путь – физиологическое время жизни человека. Одним из сюжето-

образующих мотивов колыбельной является мотив будущего. Поэтому для временного континуума колыбельной характерна фиксация предстоящих младенцу этапов социализации: начало работы, замужество/женитьба, служба в армии и т. д.

Аксиологическая характеристика элементов временной триады «прошлое – настоящее – будущее» четко не выражена. Например, будущее может представлять и как мир гармонии, и как мир дисгармонии (в зависимости от индивидуально-личностного состояния адресанта): *«Брат сестру качает, / Тихо напевает: / “Когда будешь большая / Отдадут тебя замуж / В сторонуху чужую, / Во семью во большую. / Мужики там все злые, / Топорами секутся...”»* (НПБО, с. 55); *«Баю-баюшки-бай-бай, / Поскорее вырастай, / Поскорее вырастай, / Ко работе привыкай. / Баю-баюшки-бай-бай, / Когда вырастешь большой, / Пойдешь в поле за сохой, / Будешь сеять и косить, / Будешь хлебы молотить, / Баю-баюшки-бай-бай, / Спи, мой Ваня, засыпай»* (НПБО, с. 33).

Высказывается мнение о том, что идеализация будущей жизни младенца – это реакция на действительность, не соответствующую представлениям коллективного адресанта о счастье [9, с. 11]. Такое толкование прогностических мотивов колыбельной отрицает веру самого адресанта в возможность претворения придуманного сюжета в жизнь, что принципиально противоречит традиционным представлениям предков о сакральной силе произнесенного слова. Мы придерживаемся точки зрения В.В. Головина, отмечавшего генетическую связь колыбельной песни с ритуальными текстами, где каждое произнесенное слово наделялось способностью моделировать действительность, и считаем, что положительная коннотация прогностических мотивов колыбельных обусловлена желанием адресанта «заговорить» счастливое будущее адресата [8, с. 104].

Одним из центральных концептов фольклорного дискурса, определяющих миропонимание народного коллектива, является концепт «Семья». Материал жанра материнской поэзии показал, что сюжетообразующие мотивы колыбельных песен аккумулируют информацию, обладающую этнокультурной ценностью, так называемые «формулы» семейного уклада восточных славян [8, с. 31]. Выделим некоторые из них: 1) распределение домашних обязанностей (*«Отец пошел за рыбою, / Дедушка дрова рубить / Матушка уху варить»*) (ТНХК, с. 36); 2) взаимоотношения в семье (*«Бабушка бранится – / Дед не боится; Спи, не майся – / В отца не издавайся; У них есть родной отец – / Твой пригожий молодец»*) (ТНХК, с. 32, 36); 3) ситуация сиротства (*«У тя нету маменьки (тятеньки)»*) (ТНХК, с. 33); 4) ситуация приготовления пищи и кормления (*«Бай-люли, бай-люли, / Напеку (пригорели) теплы блины (оладушки); Все по лавочкам сидят, / Кашку масляну едят. / Ложка гнется, / Нос трясется, / Душа (сердце) радуется»*) (ПНК, с. 27–28)).

Немаловажными элементами народной педагогики, заложенными в историко-культурном информативном блоке колыбельной, являются транслируемые стереотипы гендерного поведения. Сформированная в обществе тенденция к присваиванию индивиду наиболее гендерно типичных признаков нашла свое отражение в колыбельных при характеристике, например, «мужского» и «женского» труда. Мужчина, учит колыбельная, должен заниматься добычей пищи: *«Будешь бегать и ходить, / Будешь рыбацку ловить»*, *«Станешь пашенку пахать»* (НПБО, с. 24). А женщина должна заниматься домашним хозяйством,

воспитывать детей: «Уродилась девушка, / Будешь белошвейюшка, / Будешь белошвейюшка, / Прялки попрядеюшка». Эта установка содержится и в колыбельной «Татары шли, ковылку жгли», хорошо известной на Белгородчине: «И дал он ей три дела делать: / Вот глазками гусей стеречь, / А ручками – ковыль травку прять, / А ножками – дитя качать» (НПБО, с. 27).

Гендерной установкой определяется и утверждение такого «мужского» качества, как щедрость. Текст колыбельной учит мальчика в будущем не скупиться на подарки своим родным, маме, няне, невесте: «Вырастешь велик, / Будешь в золоте ходить, / Нянюшке, мамочке обновочки дарить, / Красным девицам по ленточке» (НПБО, с. 52). Женщине же полагалось встречать гостей, угощать их и давать подарки, тогда в ее доме будет гармония и благополучие.

В связи с тем, что колыбельная песня функционировала в традиционном обществе и была органично встроена в общую систему традиционных ценностей, в ней получила отражение религиозная картина мира славян. Посредством религиозной лексики и включения «божественных персонажей» в пространство жанра, субъект коммуникативной ситуации убаюкивания (мать, няня и др.) вводит объект (младенца) в мир святых, защищая тем самым ребенка от зла: «Бог тебя дал, / Христос даровал. / Пресвятая Похвала / В окошечко подала, / В окошечко подала, / Иваном назвала; Ох, ты, ангел мой, спи, / Успокой тебя возьми, / Успокойся, ангел мой, / Богородица с тобой» (РПИ, с. 16).

В религиозном поле традиционного мировоззрения особое место занимает образ Богородицы, не случайно именно Богородица является основным «божественным персонажем» русских колыбельных: «Богородица ты мать, / Уклади-ко Мишу спать. / Богородица Марья / Успи Мишу скорее!; Уж ты Матушка-Марья, / Пособи Сашу укласть. / Матушка – Марья, / Пособи и помоги. / Баюшки побай...» [8, с. 31].

Богородица в православном мире – заступница, хранительница детей и матерей. Богородичные престольные праздники, как известно, самые частые в приходе. Образ Богородицы значим и при рождении младенца, что транслируют не только колыбельные, но и тексты, сопровождающие родильные обряды: «От Богородицы вспоможенье бывает, / Крепкой туги-потуги не бывает, / Болести рожавшей утихают, / Дитя утробное здраво являет...» [9, с. 40].

Таким образом, в вербализованном коммуникативном пространстве колыбельной песни успешно реализуется функция самоидентификации, транслируются пространственно-временные, идеологические, культурно-нравственные, ценностные аксиомы традиционного мировоззрения славян.

Вербальный и невербальный код народной колыбельной песни: семантика и прагматика

«Дети, многого не зная, многое чувствуют», – писал С.В. Михалков [7, с. 4]. И если фактическая информация в тексте традиционной колыбельной, представленная посредством вербализованных понятий и образов, не может быть в полной мере доступна сознанию младенца, то эстетическая и эмотивная представлены «сенсорно» – через слуховые, моторные и осязательные ощущения. Эти информационные блоки заполняют невербальное пространство колыбельной, воспринимаемое младенцем, как правило, на бессознательном уровне.

В бессознательном восприятии объединение различных явлений в один ряд происходит через сопричастие, а не через выявление логических противоречий и различий между объектами по тем или иным существенным признакам [10, с. 105], и в восприятии ребенка поэтический текст, мелодия и ритм колыбельной являются единым целым. С материнскими песнями личность приобретает первый чувственный опыт познания поэтического творчества, способность улавливать мелодику и красоту родной речи. Безусловно, основополагающей лингвистической особенностью языкового выражения эмоционально-эстетической информации, воспринимаемой младенцем на подсознательном уровне, является особая музыкальная организация текстов колыбельных.

Четырехстопный хорей наиболее гармонично поддерживает ритм движения раскачивающейся колыбели. При этом ритм качания люльки, подобный движению маятника «вперед – назад», распадается на четыре такта, соответствующих одной строке песни. Однако при рассмотрении ритмической стороны колыбельных надо, конечно, иметь в виду, как и во всем песенном фольклоре, связь словесного ритма с вокальным исполнением, поддерживающим словесный ритм растягиванием или сокращением слогов [10, с. 106].

Значимая особенность фонетического оформления колыбельных – рифма. Повторение словесных формул, звуков в конце стиха не только способствует укачиванию, успокоению младенца, но и позволяет ребенку впервые ощутить гармонию и созвучие родного слова: «*А чуки, чуки, чукиши, / Подрался барчукиши, / За какую за бедууу, / За Витину красотууу. / А люли, прилетели гулиши*» (РПИ, с. 37).

Особую роль в музыкальном оформлении колыбельной выполняют рефрены: *баю-бай, качи-качи, чуки-чуки, а-а-а-а, нука-нука, ду-ду-ду, люли-люли, баю-побаю* и многие другие: «*Ай, качи, качи, качи, / Прилетели к нам грачи. / Они сели на ворота, / Приходи скорей, дремота. / Ай, баюшеньки, бай, бай, / Спи, унуля, засытай*» (ТНХК, с. 32).

Эти междометия, ограниченные в сфере своего применения, необходимы и для создания мелодии, и для общего эмоционально-ассоциативного воздействия на подсознание младенца. Обоснованный в исследованиях отечественного психолингвиста А.П. Журавлева фоносемантический анализ показал, что звуковая организация русской народной колыбельной на психосемантическом уровне создает определенный эмоциональный настрой у слушающего: «Фонетическая мотивированность явно существует и вместе со смысловой и морфологической мотивированностью обеспечивает тесную взаимосвязь между содержанием и формой слова» [11, с. 45].

Нами была рассмотрена фонетическая значимость наиболее распространенного рефрена русской народной колыбельной: *баю, баюшки, баю*. Данные словоформы выбраны не случайно, так как именно глагол *баять* ('качать', 'успокаивать') является функционально-семантическим и основным деривационным ядром лексики колыбельных текстов-припевов.

Итак, выявив фоносемантическую доминанту припева – звуки, которые оказывают доминирующее воздействие на слушающего, мы установили, какие именно ассоциации-ощущения возникают у ребенка при пении ему колыбельной. Наиболее частотное для колыбельного припева сочетание гласных звуков [aj'у], по данным фоносемантической таблицы А.П. Журавлева [11, с. 103–104], обладает

следующими эмоционально-подсознательными характеристиками: *хороший, нежный, женственный, светлый, слабый, медленный, безопасный, длинный, добрый*. Согласный звук [б], который в одной колыбельной строчке повторяется три раза, имеет следующие признаки: *хороший, сильный, быстрый, радостный, могучий, мужественный, грубый, яркий, громкий, подвижный* [11, с. 103–104]. Очевидно, что звонкий, взрывной согласный по своей внутренней семантике лишь частично соответствует утилитарно-бытовой функции колыбельной. Однако ассоциативные «значения» звука *хороший, радостный, яркий* все же благоприятно воздействуют на общее эмотивно-психологическое состояние младенца. Сочетания гласных звуков [aj'у], которые, благодаря специфике артикуляции, организуют общее музыкальное оформление колыбельной, на семантико-символическом уровне полностью соответствуют задаче успокоения.

Отметим также особенности морфемного строя языка колыбельной песни, который основан на стилизации детской речи: это широкая распространенность уменьшительно-ласкательных суффиксов (-ушк-/-юшк-, -онок-/-ёнок-, -ок-/-ёк-/-ик- и др.). При этом диминутивные формы, передающие субъективно-оценочное значение особой ласки, нежности, образуются и от глагольных основ, что не соответствует словообразовательной системе русского языка в целом (*спатоньки, хватушки, растушки*), и от основ, семантика которых в фольклорных текстах традиционно несет негативно заряженную оценочность (*серенький волчок, гореваньщце*). Можно предположить, что подобные лингвистические приемы воспринимаются младенцем, не владеющим в полной мере родным языком, лишь на невербальном уровне. Они позволяют адресанту песни, во-первых, создать эмотивную связь с ребенком, разговаривая с ним «на одном языке», во-вторых, оградить адресата от изображения жизненных трудностей, «смягчив» описание жизненных проблем с помощью уменьшительно-ласкательных аффиксов.

Заключение

Ролан Быков писал: «Колыбельная песня – это то, что устанавливает глубинную связь между матерью и ребенком. Колыбельная песня входит в кодовую систему прикосновений, всего того, что называется системой досознательных отношений, чрезвычайно важных, закладывающих основу будущей нравственности» [12, с. 359]. Несмотря на простоту композиции и сюжетного содержания, тексты колыбельных песен, благодаря заложенному в них культурно-историческому коду, транслируют важнейшие пространственно-временные, мировоззренческие, национально-идентификационные, аксиологические, поведенческие установки, необходимые для успешной социализации ребенка.

В статье было проанализировано четыре основных семантических блока, составляющих основу фольклорной концептосферы: 1) «пограничное» и опасное положение ребенка в мире людей, 2) традиционный семейный уклад, 3) роль мужчины и женщины в обществе, 4) религиозная картина мира. Исследование также показало, что особая коммуникативная ситуация жанра колыбельной песни предполагает эстетическое, эмотивное и педагогическое воздействие на сознание ребенка посредством вербальных и невербальных коммуникативных инструментов, таких как: 1) музыкальная организация текста (стихотворный размер, рифма, рефрены) и 2) морфемный строй текста (преобладание димину-

тивных словоформ). Таким образом, комплекс текстовых и внетекстовых характеристик колыбельной песни делает данный жанр универсальным источником вековых знаний и опыта, первым проводником маленького человека в мир взрослых.

Источники

- КДВС – Колыбельная для всей семьи: сборник колыбельных песен Губкинского района. – Старый Оскол: Ассистент плюс, 2016. – 48 с.
- НПБО – Народные песни Белгородской области / Сост. Н.М. Элиаш. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1970. – 88 с.
- ПНК – Кузюлев Н.Н. Песни нашего края: лингвофольклорная хрестоматия / Под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 180 с.
- РПИ – Ивн. ЦНТ: Родники под Ивами: Этнограф. сб. / Сост. Н.Ф. Зеленская. – 1998. – Вып. № 3. – 50 с.
- ТНХК – Традиции народной художественной культуры Прохоровского района. – Белгород: БГУНБ, 2001. – 154 с.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XIX веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.
4. Плотникова Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 206 с.
5. Кошарная С.А. Миф и язык. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.
6. Карабулатова И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. – Тюмень: Мединфо, 2004. – 269 с.
7. Михалков С.В. Все начинается с детства. – М.: Педагогика, 1972. – 199 с.
8. Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. – Турку: Åbo Akad. Univ. Press, 2000. – 451 с.
9. Мартынова А.Н. Детский поэтический фольклор: антология. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 576 с.
10. Науменко Г.М. Этнография детства: сборник фольклорных и этнографических материалов. – М.: Белый город, Воскресный день, 2013. – 314 с.
11. Журавлев А.П. Звук и смысл. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
12. Быков Р.А. Я побит – начну сначала!: дневники. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 761 с.

Поступила в редакцию
16.11.2020

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и русской литературы

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Саенко Марина Ивановна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: marina.saenko.95@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 1, pp. 109–118

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.109-118

**The Pragmatic and Pedagogical Potential
of the Communicative Space in Folk Lullaby**

I.I. Chumak-Zhun^{*}, M.I. Saenko^{**}

Belgorod National Research University, Belgorod, 308015 Russia

E-mail: ^{*}chumak@bsu.edu.ru, ^{**}marina.saenko.95@mail.ru

Received November 16, 2020

Abstract

Linguistic, socio-cultural, communicative, and cognitive characteristics of the folklore discourse were studied based on the folk lullaby texts in order to identify the nationally driven informative “stimulus” of the cultural and historical context that determines the unified communicative and pragmatic space of lullabies. Through descriptive, comparative, and stylistic analysis, the texts of lullabies were considered as a cultural and historical “code” translating the most important attitudes, which are essential for the successful socialization of a child. It was shown that the folk conceptual framework is based on four semantic units. It was proved that lullabies have aesthetic, emotional, and pedagogical influences on children’s consciousness through both verbal and non-verbal communicative tools. As a result of the analysis of the textual and non-textual characteristics of lullabies, it was concluded that this genre is a universal source of the age-old knowledge and experience for children, which guides them to the world of adults.

Keywords: folklore discourse, folk lullaby, text pragmatics, folklore language

References

1. Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Izd. LKI, 2010. 264 p. (In Russian)
2. Alefirenko N.F. *“Zhivoe” slovo: Problemy funktsional'noi leksikologii* [“Living” Word: Problems of Functional Lexicology]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 344 p. (In Russian)
3. Chumak-Zhun I.I. *Poeticheskii tekst v russkom liricheskom diskurse kontsa XVIII – nachala XIX vekov* [Poetic Text in the Russian Lyric Discourse of the Late 18th–Early 19th Centuries]. Belgorod, Izd. BelGU, 2009. 244 p. (In Russian)
4. Plotnikova L.I. *Novoe slovo: porozhdenie, funktsionirovanie, uzualizatsiya* [New Word: Emergence, Functioning, Usualization]. Belgorod, Izd. BelGU, 2009. 206 p. (In Russian)
5. Kosharnaya S.A. *Mif i yazyk* [Myth and Language]. Belgorod, Izd. BelGU, 2002. 288 p. (In Russian)
6. Karabulatova I.S. *Kul'tura detstva Tyumenskoi oblasti: traditsii i sovremennost'* [Childhood Culture in the Tyumen Region: Traditions and Modern Times]. Tyumen, Medinfo, 2004. 269 p. (In Russian)
7. Mikhalkov S.V. *Vse nachinaetsya s detstva* [It All Begins with Childhood]. Moscow, Pedagogika, 1972. 199 p. (In Russian)

8. Golovin V.V. *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klore i literature* [Russian Lullaby in Folklore and Literature]. Turku, Åbo Akad. Univ. Press, 2000. 451 p. (In Russian)
9. Martynova A.N. *Detskii poeticheskii fol'klor: antologiya* [Children's Folk Poetry: Anthology]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1997. 576 p. (In Russian)
10. Naumenko G.M. *Etnografiya detstva: sbornik fol'klornykh i etnograficheskikh materialov* [Childhood Ethnography: A Collection of Folkloric and Ethnographic Materials]. Moscow, Belyi Gorod, Voskresnyi Den', 2013. 314 p. (In Russian)
11. Zhuravlev A.P. *Zvuk i smysl* [Sound and Sense]. Moscow, Prosveshchenie, 1991. 160 p. (In Russian)
12. Bykov R.A. *Ya pobit – nachnu cnachala!: dnevniki* [Having Been Smashed, I Will Start All Over Again: Diaries]. Moscow, AST, Astrel', 2011. 761 p. (In Russian)

Для цитирования: Чумак-Жунь И.И., Саенко М.И. Прагматико-педагогический потенциал коммуникативного пространства народной колыбельной песни // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 1. – С. 109–118. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.109-118.

For citation: Chumak-Zhun I.I., Saenko M.I. The pragmatic and pedagogical potential of the communicative space in folk lullaby. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 1, pp. 109–118. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.109-118. (In Russian)